

Г. АДАМОВИЧ

«Живые лица» З. Гиппиус

1

Дарование З. Н. Гиппиус на редкость разностороннее, и трудно решить, кем войдет она в историю нашей литературы: поэтом, беллетристом или критиком? Ни одной из сторон этого дарования нельзя отдать предпочтения.

Если же мы все-таки признаем, что З. Гиппиус — прежде всего поэт, то лишь потому, что поэтический дар ценнее, заметнее других. Писателя, с равным искусством владеющего прозой и стихами, всегда называют поэтом, естественно, неизбежно, не отдавая себе отчета в причинах. Так было с Гете, Пушкиным, Лермонтовым, в наши дни, например, с Сологубом. Все называют Сологуба поэтом, хотя сологубовская проза столь же высокого качества, как и его стихи, а количественно она даже много значительнее.

Я пишу о З. Н. Гиппиус по поводу только что вышедшей ее книги воспоминаний и критики «Живые лица». Поэтому я сейчас не могу говорить о Гиппиус как о поэте. Но мне хочется все-таки отметить исключительную черту в ее поэтическом облике: она, как никто другой, понимает, что поэт — не мечтатель или не только мечтатель. То, что Гиппиус, не переставая быть поэтом, так страстно увлекается то общественностью, то религией, то политикой, резко выделяет ее из ряда российских Орфеев. Не беда, что эти увлечения могут быть подчас слишком злободневны и даже мелочны. Все-таки в их соединении с поэзией есть отблеск желания вернуть поэзию на ее настоящее место, в центр, в «фокус» жизни; есть скрытое несогласие удовольствоваться в искусстве областью несбыточного и неосуществимого.

Это вполне новые ноты в русской литературе.
Помните:

Мы рождены для вдохновений,
Для звуков сладких и молитв!

Как бы в ответ на эти знаменитые строки было сказано:

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан!

Вся литературная деятельность Гиппиус есть как бы комментарий к этим двум «наставлениям», желание соединить и примирить их.

Замечу еще в связи с этим: среди русских поэтов последних десятилетий было почти «принято» быть косноязычными в статьях, письмах и т. п. Поэты — «мастера слова»! — прежде всего не умели говорить. Считалось, что поэт не должен высказывать свои мысли последовательно, связно и, Боже упаси, «гладко». М. Кузмин произнес на каком-то юбилее коротенькую речь: было мучительно и грустно его слушать. «Но ведь Кузмин поэт», — сказал кто-то в оправдание, как будто поэту так и полагается! Это косноязычие перешло в писаную речь. З. Н. Гиппиус — одна из тех немногих, которые этому соблазну не поддались и понимали, что это — соблазн вздорный.

Ее новая книга «Живые лица» — одна из удачнейших ее книг. В сборнике три статьи — о Блоке, Брюсове и о фрейлине А. А. Вырубовой. Можно не любить Блока, не интересоваться ни Брюсовым, ни Вырубовой — и все-таки эти полустатьи, полурассказы прочесть не отрываясь. Хороши не только чрезвычайно своеобразные описания, но и замечания в сторону, всегда умные, часто злые и насмешливые. Статья о Вырубовой, может быть, наиболее интересна, или это тема сама за себя говорит? Но мне кажется, что «тон» распутинской эпохи найден очень верно, а страницы об императрице Александре Федоровне — очень пронизательны. Статьи о Брюсове и о Блоке — более из области «истории литературы».

О Брюсове — очень зло, злее В. Ходасевича. О Блоке — сочувственно, почти влюбленно, как ни стремится З. Н. Гиппиус подчеркнуть свои расхождения с ним.

Однако к «Двенадцати» Гиппиус беспощадна. «Поэма очень нашумела», — вот все, что она находит сказать о ней. Смерть Блока объясняется З. Гиппиус по образцу не новому и до крайности спорному. Если Блок и отрекся перед смертью от своей по-

следней поэмы, то все-таки можно ли с уверенностью говорить о его «политическом» обращении?

Сомнительно. Вернее было бы предположить, что Блок, даже и в последние свои дни, просто не думал о том, о чем постоянно думает З. Гиппиус, и что его отречение от «Двенадцати» было менее всего отречением политическим, так же как и сама поэма никогда не была политическим актом. <...>

